

Владимир Бауэр

Стихи

Владимир Бауэр. Поэт. Стихи публиковались в изданиях «Звезда», «Аврора», «Зинзивер», «Вавилон», «Воздух» и другие, на портале литературно-художественного проекта Folio Verso, в поэтических коллективных сборниках «Лучшие стихи 2011 года», «Лучшие стихи 2013 года», «Антология Григорьевской премии 2012», «Собрание сочинений», «Аничков мост», «Петербургская поэтическая Формация», а также в альманахах «Urbi», «Авторник», «Стихи из семи городов», «Зеленая дверь», «Натуральное хозяйство», «Имя» и других. Автор трех поэтических книг. Живет в Санкт-Петербурге.

В. Г. Бауэр — ровесник журнала «Аврора»: в 2019 году он тоже отмечает 50-летний юбилей, только 25 апреля. Редакция желает Владимиру Гарриевичу крепкого здоровья и новых творческих побед!

* * *

Когда я был в десятом классе,
а это значит — был застой,
хотел жениться я на Асе,
на смуглой девушке простой.

Вдруг началась перестройка,
и, вся в лосинах и понтах,
меня очаровала Зойка
своей квартиркой на Балтах.

Ах, жизнь, зачем в капканы сует
ты разливаешь ложномед?!
И Зойка уж давно бомжует,
и Аська черт-те с кем живет.

А я, Платон Екклезиастов
себе присвоив псевдоним,
лечу теперь энтузиастов
и верю втайне только им.

* * *

Вот тот, кто держит на цепи нас,
листая шубы дуба том.
Он откровением навынос
торгует, таинством ведом.
И пахнут рыбой откровенья,
и дуб пролистанный притих
над упованьем упоенья,
во снах бурлящим налитых.

Вот тот, кто с ним играет в крысу.
К любви не склонный компромиссу,
со лба смахнув ее потец,
пятнает густо ваксой черной,
аж цепенеет кот ученый,
упругих листьев фиги чтец.

Вот Аз и Есмь в купельном тазе
сквозь гневный рык спешат донести
о том, что поняли в экстазе,
благою почитая весть.

Их накрывает эйфория,
глуша предчувствие вины,
им внутривенная Мария
златые навеваает сны.
Им цеппелины, луннобоки,
плывут знамением по ночам,
а небо огненные строки
дарует жадным их очам.

Пустынна лунная дорога
на потемневшей глади вод.
А на челне их было много, —
читает фигу мокрый кот.

Лишь мой в тумане шлюп скудельный,
чей парус трепетно-лилейный,
а капитаном спасжилет, —
хоть Время клонится к закрытию, —
несет меня, как в духа Индю
пригодный, может быть, билет.

* * *

Видений стайку поредевшую
 уж как не бережешь в суетах,
 и на подругу залетевшую,
 запутавшуюся в поэтах,
 как не сердиться ни стараешься
 и любишь дуру напоследок,
 а все одно – развоплощаешься
 в субъект, чей дух землист и едок.

И надо понимать отчетливо,
 в ком не иссяк Грааль горенья,
 воспользоваться чтоб расчетливо
 энергией их заблужденья —
 наивноглазых дивных мальчиков
 и ведьмочек замороженных,
 к тебе, мелькнувшему в журнальчиках
 десятком строчек искаженных
 (ну да, кокетничаю, че уж там, —
 нам всем позволено не все ли?),
 ревниво льнущих робким шепотом,
 восторгом острым первой боли.

* * *

На зрителей, укрытых в чреслах кресел,
 взирает провиденциальный зрак.
 Ему спектакль давно не интересен,
 а также вихри яростных ватаг.

Но эти, вроде верящие в нечто,
 пришедшие погреться у огня,
 занозящего ночь...

Спешат беспечно
 в Святой Буфет, ах — бормоча — *фигня*,
 ах — жалуясь — *и тут вторая свежесть*.
 не чувствуя еще улыбки над
 Того, кто, к ним испытывая нежность,
 убрал к чертям «Сошествие во ад».

* * *

Я женат и что же, моя принцесса?
На семейном олимпе царит сынок.
Сердцу материнскому не до секса.
Я, по сути, заброшен и одинок.

А когда отпускаю себя в густую
от угрюмых снов и затмений тьму —
о тебе — в безрыбьи, вхолостую —
сожалею и вою торчащим «му».

О безумствах наших, вполне кромешных,
о прожекторе ног разведенных тьмы,
о ночах, клопочущих и неспешных,
о звезде, на которой погибли мы.

Если вспомнишь вдруг, постарев, о прошлом,
все забудь и воскресни из забытья.
О беспмятств бог, ниспошли днесь нож нам,
ну и пенку — по милости — для бритья.

...Ты возникнешь, извергнутая вулканом,
там, где я, нетерпения на краю,
пожелтевшую память терзая враном,
на свиданьи, последнем уже, стою.